

**Избранные новеллы Юстиниана / В. А. Сметанин, введ. ст., пер., комм.
Екатеринбург: Издательство Уральского университета,
2005. 340 с.**

1¹. Работа В. А. Сметанина состоит из вводной статьи, перевода фрагментов Новелл императора Юстиниана² и комментария к этим Новеллам. В планы автора входит издание комментированных переводов Проимий Новелл Юстиниана, Новелл Юстиниана в 3-х томах, а также монографии на тему «Идеология Юстиниана Великого».

Вступительная статья посвящена характеристике Новелл Юстиниана как историко-правового источника. Автор выдвигает несколько принципиальных, с его точки зрения, положений, наиболее адекватно выявляющих характер этого юридического памятника (с. 13–14):

«... “Новеллы Юстиниана” представляют собой:

1. **Первостепенный историко-правовой источник по истории Византии 535–565 г.**
2. **Первый памятник византийского права.**
3. **Первый памятник средневекового права.**
4. **Первый исторический источник Средневековья.**
5. **Первый памятник среднегреческого (византийского) языка.**
6. **Лучший источник аграрных цивилизаций по теории и практике частной собственности на землю.**
7. **Историко-правовой источник эпохального, рубежного, новаторского значения.**
8. **Самостоятельный свод узаконенных установлений.**
9. **Высшее достижение Юстиниана I Великого, самого знаменитого законодателя и самого знаменитого василевса Византийской империи.**
10. **Источник, содержащий радикальную программу по реформированию византийского социума, теоретически осмысленную и претворенную в жизнь самим автократом с потрясающе глубокой самооценкой осуществленных действий».**

---

¹ При подготовке рецензии было принято решение закрыть глаза на некоторые общие заявления автора, некорректные богословские оценки и выражения и подойти к исследованию с узкоспециальной точки зрения. Предлагаемая рецензия состоит из двух частей. В первой, написанной Е. В. Сильвестровой, анализируется исключительно историко-правовая сторона вступительной статьи и комментариев. Автор второй части рецензии — К. А. Максимович — обращается к предложенным в книге переводам юстиниановых новелл — *от редакции*.

² В работе приводится перевод фрагментов 10, 12, 14, 16, 19, 32, 33, 34, 85, 139, 156, 157 новелл и всего текста 22-й новеллы.

Введение посвящено доказательству этих положений, наряду с рядом других. В вводной статье автор рассматривает условия создания Новелл Юстиниана. К числу решающих факторов, которые послужили основой «византийской цивилизационной устойчивости» (с. 14), **автор относит греческий язык, обусловивший «языковое единение»** (с. 14) империи, которое, в свою очередь, «цементировало византийские территории» (с. 14). Византийскую цивилизацию автор идентифицирует как «передовую аграрно-урбанистическую» (с. 16).

Автор предлагает собственную периодизацию истории римского и византийского права. Он полагает, что эпоха римского права началась с *Leges regiae*, тогда как эпоха византийского права — с Новелл Юстиниана. Завершение эпохи римского права и начало эпохи византийского права автор относит, соответственно, к 31. 12. 534 и 1. 01.

Особую часть введения представляет собой авторский экскурс в историю греческого языка (с. 86–116).

На с. 167–225 находится перевод фрагментов Новелл Юстиниана. Далее автор приводит достаточно подробные комментарии к переведенным текстам. В комментариях содержится перечень различных должностей, титулов, званий и т. п., в связи с которым приводятся достаточно подробные пояснения (с. 228–238) автора по поводу каждой из указанных «категорий»⁴ (с. 229). Здесь же автор сообщает общие сведения о порядке создания Институций, Дигест и Кодекса Юстиниана (с. 284–286); о законах XII Таблиц (с. 291–292); о второбрачии (с. 293–297) и т. п.

Некоторые положения автора представляются спорными. Уместно будет рассмотреть только те концепции В. А. Сметанина, в пользу которых он приводит какие-либо доводы. Следует заметить, что определенные положения автора являются скорее голословными декларациями, поскольку не получают никакого обоснования, как, в частности, утверждение, что Новеллы представляют собой «высшее достижение Юстиниана I Великого, самого знаменитого законодателя и самого знаменитого василевса Византийской империи» (с. 14) или «лучший источник аграрных цивилизаций по теории и практике частной собственности на землю» (с. 13).

Что касается предлагаемой автором периодизации римского и византийского права, то она, несомненно, отличается от общепринятой, согласно которой завершение эпохи римского права относят к 565 г. — концу правления Юстиниана, а юстиниановский период считают частью эпохи римского права⁵. Новая периодизация, предлагаемая автором, основывается на особом, по утверждению автора, характере юстиниановых Новелл, которые «никогда не были компонентом “Свода гражданского права”» (с. 16) и «не могут рассматриваться составной частью кодификации Юстиниана, поскольку “Свод гражданского права” представляет собой всеобщую кодификацию римского права» (с. 17).

По всей видимости, автор полагает, что «Свод гражданского права» представляет собой единый памятник, который был издан Юстинианом именно под таким названием. Автор, в частности, утверждает, что юстиниановы Новеллы «были названы так именно потому, что они не вошли в состав Корпуса гражданского права» (с. 18). Однако наименование «Свод гражданского права» достаточно позднее и появилось в Средние века по аналогии с «Сводом канонического права» (*Corpus iuris canonici*)⁶. Впервые всем частям печатно дается общее заглавие — *Corpus iuris civilis* — в 1583 г., когда Дионисий Готофред издал все части Свода⁷. В период же создания рассматриваемых правовых памятников при Юстиниане общего названия они не имели. Название «новеллы», то есть «новые конституции» (*novellae constitutiones*), эти тексты получили потому, что были

⁴ Категория — термин В. А. Сметанина, который он использует для обозначения всей совокупности различных должностей, званий и т. п.

⁵ Римское частное право / И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский, ред. М., 1996. С. 40–44; Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 231–242; Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1999. С. 73–81.

⁶ Дождев. Римское частное право... С. 5.

⁷ Покровский. История римского права... С. 242.

изданы после того, как был опубликован Кодекс Юстиниана, в который вошли конституции как самого Юстиниана, так и его предшественников⁸. Новеллы Юстиниана являются «новыми» конституциями по отношению к Кодексу Юстиниана, а не к Своду гражданского права, частью которого они, несомненно, считались в Средние века, считаются частью этого Свода и поныне⁹. Поэтому утверждение автора, что *Corpus iuris civilis* является «трехчастным» (с. 19), не выдерживает никакой критики.

Перечисляя отличия византийского права от римского, автор утверждает, что «одной из линий эволюции византийского права был постепенный переход от романской правовой системы к системе прецедентного права, правда, эта метаморфоза достигла лишь стадии генезиса прецедентного права» (с. 18). К сожалению, автор не дает никаких объяснений, ни по поводу того, что он называет «романской правовой системой», ни относительно того, какие особенности византийского права позволили ему отнести его к «системе прецедентного права». Если речь идет о казуистичности норм византийского права, то именно казуистичность составляла существенную особенность норм права *римского* (а не *романского*)¹⁰.

Впрочем, самое существенное замечание, которое можно сделать в связи с предлагаемой В. А. Сметаниным концепцией создания Новелл, касается роли самого императора Юстиниана как инициатора кодификации, создателя Институций, Дигест и Кодекса, творца новых конституций — Новелл. Автор, в частности, утверждает, что «субъективный фактор» (с. 16) создания Новелл заключался в том, что «в ромейском социуме оказался классный, превосходный реализатор идеи новых конституций, выдающийся знаток права, креативная и мобильная личность в лице высшего руководителя Византийского государства» (с. 16) — то есть Юстиниана. В. А. Сметанин полагает, что «если кодификация римского права была плодом коллективного творчества, то «Новеллы Юстиниана» — индивидуальный труд высшего руководителя Византийского государства» (с. 42).

Автор, по всей видимости, смешивает два различных понятия. Из того общепризнанного факта, что Юстиниан выступал в качестве законодателя и систематизатора источников права в Византийском государстве первой половины VI в., не следует, что он лично и фактически был автором конституций (с. 28), изданных от его имени, и создателем правовых памятников, которые в Средние века получили общее наименование «Свода гражданского права» Юстиниана. Фактическое же осуществление систематизации источников права, завершившееся созданием Институций, Дигест и Кодекса Юстиниана второго издания, связывают с именем квестора императора Юстиниана Трибониана¹¹. И именно Трибониану приписывают авторство большей части конституций Юстиниана (в том числе, разумеется, и тех, которые вошли затем в собрание Но)4(с)5(т)818М06,

конодательного творчества Юстиниана (535–539 гг.)» (с. 41) отнюдь не случайно приходится на тот период, когда Трибониан занимал должность квестора¹³.

В комментариях к отдельным новеллам Юстиниана также встречаются досадные неточности. Например, в комментарии к Новелле 22 автор утверждает, что женщины *sui iuris* (самовластные), «являясь субъектами права... не обладали правоспособностью в сфере частного права, а их дееспособность была основательно ограничена» (с. 280). В этой фразе содержится противоречие: если женщины *sui iuris* были субъектами права, они, разумеется, обладали правоспособностью, поскольку обладать правоспособностью означает обладать способностью быть субъектом права; в классическом римском праве дееспособность женщин *sui iuris*, действительно, была ограничена¹⁴.

Далее автор говорит о том, что обнародование законов, устанавливавших общеобязательные правовые нормы, осуществлялось при Юстиниане «обычным способом» (с. 280, 283), однако не уточняет, каким именно. Вероятно, если бы автор изучил формы обнародования императорских конституций в предшествующую эпоху, а именно в V в.¹⁵, этот вопрос не вызвал бы у него недоумения.

Несомненно, несмотря на указанные неточности и противоречия, работа В. А. Сметанина в своей историко-правовой части может представлять значительный интерес.

Е. В. СИЛЬВЕСТРОВА

II. Исследовательская часть работы В. А. Сметанина не вызывает серьезных нареканий, хотя в некоторых местах бросается в глаза излишняя пафосность изложения и не всегда оправданное использование латинизмов и гречизмов, ср.: «валоризация текста», «аксиальная идея Юстиниана», «процесс аугментации свободы», «дечизивное значение» (почему-то в итальянском произношении), «информные номены», «икумена», «кинотита», «георги», «эпарх преторов» (в действительности — префект претория), «дьятаксис» (почему-то с разделительным твердым знаком), «периттевонды», «эллипондство», «тагма», «метрон хиротоний» и прочие странные слова, которые в лингвистике принято называть варваризмами. Чего стоит, например, расшифровка придуманного В. А. Сметаниным термина «мафит» (с. 48) — оказывается, это передача греч. μαθητής «ученик». Зачем автору понадобилось возводить между собой и читателем эти терминологические барьеры, осталось для нас загадкой¹⁶.

¹³ С 535 по 542 г. — во второй раз; в первый раз Трибониан был квестором с 529 по 532 г.

¹⁴ Дождев. Римское частное право... С. 285–287.

¹⁵ См., например: *Schwind F. F. Zur Frage der Publikation im römischen Recht. München, 1940; Kussmaul P. Pragmaticum und Lex. Formen spätrömischer Gesetzgebung 408–457. Göttingen, 1981; Voci P. Note sull'efficacia delle costituzioni imperiali // Voci P. Studi di diritto romano. Padova, 1985. Т. II.*

¹⁶ О своеобразном научном стиле автора свидетельствуют и такие любопытные примеры: «Юстиниану пришлось подробнее воспринимать правовую ситуацию и действовать дерзче и дельнее» (с. 50); «греческий язык... был инвариантным фактором регенерации византийского цивилизационного процесса»; «разрыв билингвической ингрессии в коэволюционной конъюгации латыни и греческого языка привел к дивергенции и независимости языковых комплексов» (с. 109) и т. д. и т. п.

Что касается самого перевода Новелл, то целый ряд переводческих решений В. А. Сметанина вызывает возражения. Во многих (слишком многих!) случаях перевод неточен или просто неверен, хотя смысл соответствующих мест можно было бы понять из прилагаемого к изданию Р. Шелля латинского перевода по версии *Authenticum*. Однако В. А. Сметанин, к сожалению, не консультировался с латинским текстом.

Ниже в виде таблицы приведены примеры неверного перевода, сопровождаемые греческим оригиналом, правильным переводом и комментарием.

Номер новеллы и стр. по изданию Р. Шелля	Греческий оригинал	Перевод В. А. Сметанина	Правильный перевод	Комментарий
III. Р. 18.	οὐδὲν σχεδὸν τῶν ἐν ἀμετρίας καλόν...	Поскольку же добро в безмерном количестве ничего не стоит для них... (с. 125)	Поскольку почти никакое из излишеств не является благом...	ср. лат.: <i>paene nihil immensum bonum est...</i> Перевод В. А. Сметанина не дает смысла.
Там же	Παρὰ τὴν τοιαύτην πρόφασιν	вследствие такого предлога (там же)	вследствие такой причины	ср. лат.: <i>propter huiusmodi occasionem</i>
Там же	ἰσχύουσαν	не смогла вообще	не может	ср. лат.: <i>valentem</i>
Там же. Р. 19	Συνείδομεν ἑαυτοὺς καθεῖναι πρὸς τὴν τοῦ πράγματος ζητήσιν, καὶ μαθεῖν τίνα μὲν τρόπον ἐμπροσθεν εἶχε, τί δὲ τὸ τοῦ χρόνου μῆκος ἔξεῦρεν.	мы одновременно увидели, что они сами обратились к исследованию печального обстоятельства и узнали, какой характер раньше оно имело... в течение какого времени оно себя проявило (там же).	мы сочли необходимым обратиться к рассмотрению этого дела и выяснить, какой характер оно имело раньше, и что нового в нем возникло с течением времени.	Перевод В. А. Сметанина полностью обесмысливает текст. В лат. однозначное: <i>perspeximus deponere ad huius causae inquisitionem...</i> и т. д.
Там же	Εὐρίσχομεν, ὡς ἕκαστος... ἐφρόντισε	мы находим, чтобы каждый... позаботился (там же)...	мы находим, что каждый... заботился...	Перевод В. А. Сметанина не дает смысла.

Указанные ошибки обнаружили на отрезке перевода объемом в половину печатной страницы. Даже для гимназического уровня, не говоря уже о профессорском, это слишком. Приходится с сожалением констатировать, что познания В. А. Сметанина в греческом языке недостаточны для перевода столь сложных текстов, как Новеллы Юстиниана.

Это впечатление только усиливается при чтении, например, таких пассажей: «Термин „хиротония“ происходит от греческих слов *χείρ* — рука и *τονόω* — при-

давать силу» (с. 130). Не говоря уже о бессмысленности такого толкования термина «хиротония», автору следовало бы знать, что от глаголов на -όω отглагольные имена образуются только по 3-му склонению (тип -ωσις), тогда как греч. χειροτονία относится к 1-му склонению и поэтому должно восходить к типу глаголов на -έω (ср.: χειροτονέω). Что касается самого глагола χειροτονέω «поднимать, протягивать руку» в связи с поставлением в священный сан, то уже в толковании Иоанна Зонары на 1-й Апостольский канон содержится исчерпывающее объяснение этого термина, обозначающего голосование поднятием руки при выборах кандидата в епископы. При чем тут «придание силы», совершенно непонятно.

Зачем-то перечисляя термины, обозначающие в русском языке «возведение в сан и производство в должность», автор упоминает в их числе «сукцессио апостолика» (там же), хотя этот термин означает в латыни «апостольское преемство», и его объем далеко не совпадает с объемом понятия «хиротония». Как разные термины приводятся «хиротесия» и «хирофесия», хотя это одно и то же слово, данное в разных произносительных вариантах.

Резко негативное впечатление производит и стилистика перевода — цитируя буквально построчно, мы предлагаем оценить следующие «перлы» русского языка: «исследуя данное во всех отношениях» (данное что?), «достаточно сильное снабжение», «для этого он и установил расход храма», «доход, достаточный тем, которые поселяются» (по-русски говорят «селятся»), «доход совершенно уже невозможно растянуть на всех» (в русском языке «растянуть» можно некоторое количество пищи на некоторое время, но «растянуть доход на всех», действительно, «совершенно невозможно»), «такие предохранения сохранились надолго», «увеличилось количество расхода в большой несоразмерности», «вследствие ненадежности с этих пор дела» и особенно — «боголюбвейшие епископы, всегда привлекающие внимание застенчивостью некоторых из них, предались множеству рукополагаемых» (!). В действительности у Юстиниана в последнем случае сказано: «Боголюбвейшие епископы, то и дело идя навстречу ходатайствам неких лиц, допустили совершение слишком многих хиротоний». По-гречески эта фраза построена довольно прихотливо, однако она понятна и в оригинале, и в латинском переводе. «Застенчивых епископов» следует оставить на совести переводчика, а православному читателю рекомендовать воздержаться от подобной литературы, дабы не впасть в искушение.

К. А. МАКСИМОВИЧ